

А.М. Прима
(Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПАРАЛИНГВИСТИКЕ

Невозможно переоценить значимость гендерных ролей и принципов коммуникативного взаимодействия полов для организации человеческой коммуникации. Среди факторов, влияющих на решение проблем определения и распределения гендерных ролей, формулировки и обоснования принципов данного взаимодействия, современные ученые называют степень развития общества в данный период времени, его социальную дифференциацию и языковую стратификацию, тип культуры и идеологическую основу общества, уровень научных знаний и образованности его членов и др. [3].

По замечанию Г.Е. Крейдлина, совпадение или смещение гендерных ролей традиционно рассматривались как «угроза вековым общественным устоям, как разрушение жесткой иерархической модели или как отклонение от нормы» [3, 67]. Современное общество в наши дни меняет ролевые признаки полов и взаимоотношения между полами, появя казавшиеся незыблемыми гендерные стереотипы. Так, например, культура и общество закрепляют за мужчинами и женщинами новые функции и личностные характеристики.

Фиксация гендерных проявлений в языке находит выражение в гендерных стереотипах, обусловленных культурой и обществом и накладывающих свой отпечаток как на речь личности, так и на ее социализацию. Функции и роли коммуникантов в обществе несут отпечаток культуры, на них проецируются гендерные стереотипы данного социума. Для реализации своих коммуникативных намерений люди нередко прибегают к параязыковым, или паралингвистическим, единицам. Таким образом, можно утверждать, что в невербальном поведении коммуникантов можно выявить определенные гендерные стереотипы.

Возникновение термина «паралингвистика» некоторые исследователи, например М. Кей [8], датируют 1954 годом и называют фамилию Уэлмерс (Welmers). Более известна, однако, точка зрения Дж. Трэйджера [9], согласно которой сам термин «паралингвистика» впервые в научный обиход ввел А. Хилл, хотя параязыковые явления задолго до этого изучались фонетистами.

Г.В. Колшанский указывал, что понятие паралингвистики есть прежде всего функциональное понятие и поэтому паралингвистику следует определять как вспомогательную область лингвистики, изучающую функциональное использование неязыковых средств для формирования конкретного речевого высказывания [1].

Особенность всех паралингвистических средств заключается в том, что они, хотя и не являются речевыми и не входят в систему естественного языка, в значительной степени организуют и определяют коммуникативный акт. Лишь крайне небольшое число устных речевых сообщений способно стать фактом человеческой коммуникации без какого-либо паралингвистического сопровождения: паралингвистические средства в той или иной мере представлены в каждом устном высказывании.

Привлечение паралингвистических средств в коммуникацию вызвано рядом обстоятельств внешнего порядка, к которым Г.В. Колшанский относит «соблюдение определенного темпа диалога, акцентирование смысла (всего или части) высказывания, привлечение каких-либо мнемонических приемов в целях обеспечения полного понимания высказывания в естественной ситуации при наличии ряда отвлекающих моментов» [1, 15].

Современные исследователи различают 3 вида паралингвистических средств: фонационные, кинестические и графические. К фонационным относятся тембр речи, её темп, громкость, типы заполнителей паузы («э-э», «м-м» и др.), мелодические явления, а также

особенности произношения звуков речи (диалектные, социальные и идиолектные); к кинетическим компонентам относятся жесты, тип выбираемой позы, мимика; к графическим – тип выполнения букв и пунктуационных знаков (дочерк), способы графических дополнений к буквам, их заменители (символы типа &, § и т. п.)

Говоря о разных «стилях гендерного коммуникативного поведения», мужском (маскулинном) и женском (фемининном), как сформулировал это Е.Г. Крейдлин, представляется необходимым соотносить гендерные стереотипы с данными стилями [4, 42].

Большое внимание гендерным исследованиям уделяют при анализе фонационных кинем. Укажем, что целью нашего исследования обосновывается анализ не музыкального, или певческого, а речевого голоса.

Человеческое ухо, как известно, способно различить сотни тысяч звуков голоса, из которых лишь несколько тысяч принадлежат естественному языку. Человеческий голос производит много звуков, не входящих в систему языка, но означенных в процессе коммуникации и образующих фонд паралингвистики.

Своеобразие артикуляции человека заключается в том, что она является «синтезом фонационных моментов в процессе коммуникации» [1, 33]. В задачи лингвистического анализа входит необходимость не только исследования самих языковых форм, но и отличия признаков собственной речевой артикуляции от признаков, свойственных фонации.

Г.Е. Крейдлин выделяет в паралингвистике центр и периферию. В центр паралингвистической системы входят (а) отдельные неречевые звуки, исходящие из ротовой и носовой полостей человека; (б) звуковые комплексы, которые возникают в разного типа физиологических реакциях и которые в акте коммуникации допускают конвенциональную семиотизацию (то есть приобретают особые контекстные значения; ср. насморк, кашель, плевки, икота, рыдание, свист и пр.); (в) голос и его постоянные качества, голосовые особенности актуально звучащей речи или игры голосом (фонации); (г) параязыковые просодические элементы (эмоциональное акцентное выделение слогов, темп речевой реализации фраз при беглой речи или при скандировании); (д) значимые молчания и паузы [2].

К периферии паралингвистической системы Г.Е. Крейдлин относит вентрологические звуки и их параметры, звуки природы и различных механизмов или устройств, сюда же примыкают разнообразные звуковые последовательности, возникающие во время действий человека с какими-то природными объектами и артефактами (например, звук от пощечины, звуки аплодисментов, звук от удара кулаком о стол в ситуации, когда, например, человек рассердился), а также звуки, возникающие от его контакта с человеческим телом.

Можно отметить особые мужские и женские голоса или различные у мужчин и женщин голосовые приемы выражения эмоций. Данные паралингвистические элементы используются как параметры для определения возраста, статуса, пола, физического или психического состояния человека и некоторых других параметров. Так, у женщин более высокая частота основного тона и более вариативный диапазон, чем у мужчин, однако последние говорят громче. По наблюдению Н.Б. Суховой, громкость зависит от пола коммуниканта: «...с коммуникантами одного пола говорят тише, в смешанных интеракциях стараются говорить громче, чтобы избежать эффекта интимности» [6, 268].

Традиционно бас как обозначение очень низкого речевого голоса присущ мужчинам, и лишь «окказионально – для указания на сходство женского голоса с мужским» может приписываться в речевом контексте женщинам [4, 53].

Регулятивную функцию в разговоре выполняют паузы, которые подчеркивают важные моменты в речи, дают аудитории возможность обдумать сказанное, иногда помогают обнаружить обман [5]. Мужчинам свойственно заполнять паузы в разговоре с помощью вокативов ah, er, hmm, в то время как женщины избегают этого [6].

Интонационные рисунки в речи мужчин характеризуются большей широтой шкалы и использованием нисходящих тонов, а фемининность в речи проявляется с помощью частой смены высоты голоса, «singsong» – певучестью, живостью, «dynamism» – динамичностью, что трактуется как дружелюбность, а также восходящими (вопросительными) интонациями, характерными чертами «weak» – «слабой» или «powerless» – «бессильной» личности [цит. по: 7, 229].

Особый интерес представляют наблюдения Е.Г. Крейдлина о степени участия в паралингвистических актах мужчин и женщин небольшого числа русских согласных различной фонетической природы [4]. Фрикативные звуки часто встречаются в русской маскулинной парязыковой коммуникации. Звуки [s] и [sh(s)] типичны при сипении, свисте и шиканье, однако значение и назначение свиста, сипения и шика не являются культурно универсальными. Русские свист и шиканье являются знаками неодобрения и презрения и чаще используются мужчинами. В японской культуре свист является знаком благородного и великодушного одобрения, а в американской молодежной культуре – это просто знак одобрения, свойственный и мужчинам, и женщинам. Семантика свиста ни в коей мере, таким образом, не универсальна, а культурно и национально специфична, более того, при этом она сложным образом распределена по полам.

Паралингвистическую кинесику следует, по Г.В. Колшанскому, рассматривать как некоторую часть языковой коммуникации, свойственной только человеку, в отличие от «биологической кинесики, связанной с физическими и другими функциями» [1, 46]. Ученый предположил, что постоянное «сопровождение звука различными жестами было изначально и всегда остается для человека неотъемлемой частью коммуникации» [1, 46].

Наиболее изученными на сегодняшний день элементами кинесической структуры невербального поведения можно считать мимику, жесты, позы, взгляды. Все указанные элементы могут быть противопоставлены друг другу по ряду признаков. Так, поза, в отличие от других динамических форм, является формой статичной. Собственно жесты и телодвижения отличаются от поз инструментом исполнения: первые исполняются руками или, реже, ногами, а в исполнении вторых главная роль отводится корпусу. В сочетании выражение лица зафиксировано также место исполнения жеста и т. д.

Проксемика, или пространственная психология, – термин, введенный американским психологом Э. Холлом для анализа закономерностей пространственной организации общения, а также влияния территорий, ориентации и дистанций между людьми на характер межличностного общения [5].

Невербальное поведение, связанное с тактильной системой восприятия, образует такесическую систему невербальной коммуникации, в которую входят разнообразные прикосновения – рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания, объятия [5].

Г.Е. Крейдлин выделял среди кинем три основных семиотических класса: (а) кинемы, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные передавать смысл независимо от вербального контекста, (б) кинемы, выделяющие какой-то речевой или иной фрагмент коммуникации, и (в) кинемы, управляющие ходом коммуникативного процесса, то есть устанавливающие, поддерживающие или завершающие коммуникацию [2].

Первый вид кинем называются эмблематическими, или эмблемами. Большинство эмблематических жестов в пределах одного жестового языка автономны от речи и могут выступать в коммуникативном акте изолированно от нее, хотя существуют также эмблемы, требующие обязательно речевого или звукового сопровождения.

Наиболее яркими являются гендерные различия в употреблении эмблематических жестов конечностей и головы. Помимо очевидных расхождений в форме реализации одних и тех же невербальных знаков, противопоставленными оказываются также некоторые мужские и женские невербальные формы выражения одного и того же смысла в пределах данного жестового языка. Как отмечает Г.Е. Крейдлин, «выражая смысл “смущение”, русские

мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей» [4, 61].

Второй вид кинем получил название иллюстративных жестов, или иллюстраторов, а третий – регулятивных, или регуляторов. Иллюстративные жесты по своей природе не могут передавать значения независимо от вербального контекста и никогда не употребляются отдельно от него. Примерами иллюстраторов служат русские невербальные единицы «легкое опускание век при произнесении утвердительного предложения в конце его», «чуть расширяющиеся глаза в конце обычного вопроса» и «раскрытые руки в направлении ладонями вверх и слегка наклоненные к адресату».

Третья разновидность жестовых единиц, регуляторы, может, как и эмблемы, выступать как вместе с речью, так и без нее. В коммуникации эти жесты, как следует из определения, выполняют регулятивную функцию, в частности фатическую функцию поддержания общения. Пример регулятивного жеста – это кивок.

Во всех выделенных семиотических классах жестов имеются жесты, соответствующие мужскому и женскому стилям невербального общения. Мужскими являются, например, такие русские позы и жесты, как сидеть, развалившись в кресле; стоять, широко раздвинув ноги; чесать в затылке; потирать руки; стукнуть кулаком по столу. Женский стиль кинетического поведения, как и мужской, тоже отражается в особых жестах, позах, походках и манерах. Русские женские жесты – поправить волосы; чуть наклонить голову; ходить, покачивая бедрами; пощечина; сидеть, сомкнув колени; сидеть коленка на коленку, поигрывая ступней.

Г.Е. Крейдлин указывает, что наиболее выраженными являются различия по полу в тех ситуациях общения мужчин и женщин, когда «особое значение имеют социальные и интерактивные кинетические переменные, такие как статус, роль, мотивация, психотип личности, нормативные ожидания, установки, предпочтения» [4, 81]. Такие факторы, как социальное положение, стереотипы нормативного невербального поведения, стремление избежать санкций за девиантное жестовое поведение, оказывают влияние на поведение женщины.

Н.В. Сухова утверждает, что мужчины и женщины чаще пользуются адапторами-объектами (то есть материальные предметы и звуки) в разговоре с женщиной, например, жест «хлопнуть дверью» [6, 268]. Существуют специальные предметы и основанные на их использовании специальные невербальные женские языки, призванные в строго определенных ситуациях служить знаком и средством общения. К таким предметам Г.Е. Крейдлин относит цветок и веер, поясняя, что с помощью цветов «осуществлялась коммуникация между адресантом, или дарителем цветов, мужчиной, и адресатом, или получателем цветов, женщиной», а в коммуникации при помощи веера роли между полами «распределялись в точности противоположным способом»: адресантом, обладающим веером, была женщина-дама, а адресатом был мужчина-кавалер [4, 84].

Таким образом, паралингвистические средства играют значимую роль в коммуникации с учетом гендера как сложного социокультурного процесса конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик.

Источники и литература

1. Колшанский Г. В. Паралингвистика. М.: Наука, 1974.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
3. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: культурно-универсальные и культурно-специфические особенности невербального коммуникативного

поведения // Материалы Третьей международной конференции 27–28 ноября 2003. Гендер: Язык, Культура, Коммуникация. М.: МГЛУ, 2003.

4. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005.

5. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погорьца В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001.

6. Сухова Н.В. Гендерные особенности невербального поведения // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции, Иваново, 25–26 июня, 2002: Ч. II: История, социология, язык, культура. Иваново: ИвГУ, 2002. С. 266–268.

7. Шевченко О.П. Гендерная ориентированность публичных выступлений политических лидеров США // Романская филология в контексте современного гуманитарного знания: Сб. науч. тр. / Материалы I Межд. науч.-практ. семинара (15–16 октября 2012 г.). Краснодар: Просвещение-Юг, 2013.

8. Key M. R. Paralinguistics and kinesics. Metuchen, N.J.: The Scarecrow Press, Inc., 1975.

9. Trager G. L. Paralinguistics: A first approximation // Studies in linguistics, 1958, 13. С. 1–12.